

Черстин Лундберг Хан

Кеченье счастья

ЛУЧШАЯ ЗИМНЯЯ КНИГА
О НАСТОЯЩЕМ
ВОЛШЕБСТВЕ

Сумка чудес

Черстин Лундберг Хан

Печенье счастья

«РИПОЛ Классик»

2013

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44

Лундберг Хан Ч.

Печенье счастья / Ч. Лундберг Хан — «РИПОЛ Классик»,
2013 — (Сумка чудес)

ISBN 978-9-17-801275-6

«Печенье счастья» – впервые на русском языке! Книга знаменитой шведской писательницы Черстин Лундберг Хан. Однажды получив в китайском ресторанчике печенье счастья, десятилетний Оскар читает предсказание: «Произнеси свое самое сокровенное желание, и оно исполнится». Растерявшись, Оскар загадывает совсем не то, что хотел, и его жизнь переворачивается с ног на голову. Веселая, невероятно смешная и добрая история о том, как важно оставаться собой и перестать всего бояться.

УДК 821.113.6
ББК 84(4Шве)6-44

ISBN 978-9-17-801275-6

© Лундберг Хан Ч., 2013
© РИПОЛ Классик, 2013

Содержание

Обыкновенный Оскар	6
Дождливый день	10
Печенье с секретом	13
Минуты тишины	17
Бабушкины «Гавайи»	20
I love you	23
Вынужденная ложь	26
Сияющая звезда	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Черстин Лундберг Хан

Печенье счастья

Kerstin Lundberg Hahn
lyckokakan

Перевод со шведского Е. Ю. Савиной

Original title: Lyckokakan

Text © Kerstin Lundberg Hahn 2013

Cover & Illustrations © Maria Nilsson Thore 2013

First published by Raben & Sjogren, Sweden, in 2013.

Published by agreement with Raben & Sjogren Agency

© Савина Е.Ю., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

Обыкновенный Оскар

В своей семье я единственным, кого можно назвать более-менее нормальным. Я среднего роста, довольно симпатичный, неплохо играю в футбол и учусь не хуже других. Ну а имя у меня самое обычное, какое только можно придумать для мальчишки: Оскар.

А вот как обстоят дела с моей семьей.

Начнем с папы Эдварда. Он делает гитары. Да-да, именно так, вы не ослышались. Гитары у него получаются что надо. Но, вообще-то, папа мечтал стать оперным певцом. У него потрясающий голос. К сожалению, папа не учился в оперной школе... или как там это называется. Но к месту и не к месту он все равно всегда старается щегольнуть своим оперным голосом. Особенно там, где, по его мнению, хорошая акустика.

Хорошая акустика – это когда голос разносится эхом. Для этого подходят места с высокими потолками и каменными стенами: церкви, например, подземные переходы, некоторые музеи. Или школьная лестничная площадка. Мой класс находится на втором этаже, и туда ведет старая широкая лестница с каменными ступенями. И вот там-то, на этой лестнице, оказывается, самая лучшая акустика.

Как-то раз на днях мы с папой вышли вместе из дому. Перед школьными воротами я помахал ему рукой, но он последовал за мной.

– Пап, – сказал я ему, – я же почти пришел. Тебе дальше идти не надо.

– Ну да, да, конечно, – пробормотал он и потянул на себя тяжелую входную дверь.

Несколько моих одноклассников прошмыгнули мимо нас в приоткрывшийся проем.

Мы были уже на середине лестницы, когда папа сделал глубокий вдох и восхищенно присвистнул:

– Да здесь просто замечательная акустика! Прямо как в Миланской опере.

– Нет, только не сейчас, – прошептал я, подняв на папу умоляющий взгляд.

Но он ничего не слышал. Я подозреваю, что он просто притворялся, что ничего не слышал.

Папа открыл рот и запел:

– *М-о-о-о-ре, м-о-о-ре...*

Все, кто был на лестнице, замерли, будто превратились в ледяные статуи. Сначала ребята пораскрывали рты от изумления, а потом принялись хихикать – все, кроме Йеппе из параллельного класса. Тот стоял, склонив голову набок, и счастливо улыбался. Я был единственный, кто продолжил решительным шагом восхождение по лестнице. Но внутри, мне казалось, я тоже превратился в ледяную статую.

В этот момент из учительской появилась Ульрика, наша классная руководительница. Услышав пение, она тоже замерла и осталась стоять, прижимая к себе синюю папку и улыбаясь папе. Когда папа закончил петь, Ульрика так ему зааплодировала, что чуть не выронила свою папку.

Йеппе тоже аплодировал. Другие ребята хихикали и косились на меня.

– Всем привет, – как ни в чем не бывало улыбнулся папа и стрельнул глазами в сторону Ульрики.

На короткое мгновение он даже взял ее за руку со словами: «Вверяю вашим заботам моего сына».

Потом он кивнул мне на прощание и запрыгал через ступеньку вниз по лестнице. Напевая.

От его пения дрожали стены. Но это еще ладно. А вот зачем он пытался флиртовать с Ульрикой? Этого я никак не могу понять.

Вообще-то, папа никогда не флиртует всерьез с кем-то еще потому, что он очень любит маму. Это, конечно, хорошо, но все же у всего есть свои пределы. К примеру, разве можно целовать маму прямо в губы посреди улицы? Или в супермаркете? Как, например, случилось в кондитерском отделе в прошлую субботу. Я стоял у витрины с моим другом Хьюго, вполне обычным, нормальным парнем. Мы выбирали между сюризаром¹ и лакричными палочками, когда вдруг папа неожиданно обнял маму, чмокнул ее прямо в губы и сказал так громко, что уж точно все вокруг услышали:

– Ты для меня самая лучшая конфетка! Чмок-чмок!

Просто удивительно, как я только не умер тогда от стыда!

Мою маму зовут Лотта, и она совсем не такая, как папа. Она не поет (если только в ванной). Она... танцует.

Танцует мама все подряд: вальс, польку, танго, самбу, фламенко, сальсу, африканские танцы, хип-хоп, буги-вуги, танец джаз, брейк-данс, свободные танцы... в общем, все, что только можно. Этим она занимается в свободное время. А так она парикмахер. Поэтому мама всегда классно выглядит. По части прически это уж точно.

Но вернемся к танцам. В конце прошлого учебного года у нас была школьная дискотека. Моя мама была в числе родителей, которые должны были присматривать за нами. Когда Мариам из моего класса упала и ободрала коленку, мама тут же подскочила к ней с пластырем и помогла ей. Но потом... да, потом кому-то пришлось в голову поставить нечто вроде хип-хопа, и мама сразу преобразилась. Она сдернула с Хьюго кепку и, надев ее задом наперед, решительно двинула в центр танцплощадки. Там она принялась двигаться по кругу, подпрыгивая и дергаясь, как робот. Грудь у нее подскакивала, а волосы разлетались во все стороны. Хьюго стоял и только ухмылялся. Остальные же откровенно ржали. Мама, верно, решила, что это ребята так обрадовались ее умению танцевать. Я же так не думаю.

По дороге домой я спросил маму, зачем она устроила весь этот цирк. Она рассмеялась и, хлопнув меня по спине, сказала:

– Эх, старик, ничего ты не понимаешь. Даже если ты уже стал взрослым, иной раз так здорово поймать драйв.

Ловить драйв от того, что ты кажешься смешным... нет уж, увольте. Лучше я тогда совсем не буду становиться взрослым.

Бабушку тоже можно считать членом моей семьи. Она живет рядом с нами, в соседнем дворе. Я с ней часто вижусь. Иногда, когда мама и папа задерживаются допоздна на работе, я у нее ужинаю.

Вот за бабулю мне никогда не приходится краснеть, как за маму или папу. Правда, она почти совсем глухая, поэтому на мои вопросы иногда дает весьма странные ответы.

– Можно я возьму еще пастилы? – спросил я как-то раз у нее дома.

– Ты тоже очень милый, – ответила бабушка и обняла меня.

Ну что ж, ничего страшного тут нет. Я взял пастилы, и было как-то приятно думать, что твоя бабушка считает тебя милым.

В другой раз я спросил ее, плавала ли она на корабле. Это было мое домашнее задание.

– Что бы я делала, если бы была королем? – удивленно переспросила бабушка. – Я бы тогда открыла в замке гостиницу для туристов. А ты бы что сделал?

В тот раз мы долго болтали, придумывая разные классные вещи, которые можно сделать, если ты король. И не было ничего страшного в том, что бабушка расслышала меня неправильно.

¹ Сюризар — мармеладные конфеты с кисло-сладким вкусом. — Здесь и далее примечания переводчика.

Вообще-то у бабушки есть слуховой аппарат, но она не любит им пользоваться. Она утверждает, что умеет читать по губам. В таком случае читает она как-то очень небрежно.

Как-то раз я самостоятельно полез за банкой кофе, но, открыв ее, обнаружил в ней корицу.

– Бабуль, а здесь нет кофе, – сообщил я. – В банке – корица.

– Хочешь помыться? – улыбнулась бабушка.

– Что? – не понял я.

Но бабуля была уже в ванной – включила кран и достала пену для купания. Похоже, она абсолютно убеждена в том, что все правильно понимает из того, что ей хотят сказать. Но в то же время бабушка у меня очень хорошая, поэтому у нее все всегда получается здорово.

В тот вечер я долго мылся в бабушкиной ванне. Пена чудесно пахла земляникой. Я лежал в ванне и, шевеля большими пальцами ног, размышлял, насколько в действительности сложно читать по губам. Я подул на мыльные пузыри и беззвучно произнес: «*В банке – корица, в банке – корица...*»

Действительно, это сильно смахивало на «*в ванне помыться, в ванне помыться...*».

Дождливый день

– Сегодня мы немного порепетируем рождественские песни, – сказала Ульрика. – Скоро будет праздничный концерт, и мы тоже примем в нем участие.

Ульрика начала объяснять подробности, а я зажмурился и принялся вспоминать прошлый годний рождественский вечер. Хоть бы все забыли, чем тогда все закончилось. В тот раз, допев последнюю песню, мы отправились в класс, где нас ждал праздничный стол. И только все уселись, как мой папа поднялся с места и, размахивая чашкой кофе, зажатой в руке, запел «О, праздничная ночь»².

Кофе выплескивался на пол, папа пел и пел, другие родители слушали и улыбались. Кто-то даже промокнул глаза салфеткой, взятой с рождественского стола. Я же с горя запихнул себе целиком в рот булочку с корицей и сидел, мечтая о папе-программисте или, на худой конец, папе – водителе автобуса.

Спустя некоторое время я открыл глаза. Ульрика успела написать на доске названия песен, и теперь все ребята обсуждали роли рождественских гномов³, пряничных стариков⁴ и так далее. Рождественский концерт должен был начинаться с праздничного шествия Святой Люсии⁵.

Некоторые мальчишки уже тянули руки, чтобы стать пряничными стариками, и Ульрика записывала их имена на доске. И почти все мечтали стать рождественскими гномами. На роль Люсии были две кандидатки – Майя и Мариам, две самые популярные девчонки в нашем классе. Ульрика предложила им позже кинуть жребий.

– Еще у нас есть *песня Стефана*⁶, — улыбнулась Ульрика. – Для нее нам нужны два звездных мальчика. Как насчет тебя, Ниссе?

Ты у нас такой высокий и к тому же симпатичный. Накидка с колпаком будут замечательно на тебе смотреться.

² «О, праздничная ночь!» – песня, которой часто заканчиваются рождественские концерты.

³ Рождественский гном – персонаж, похожий на нашего Деда Мороза.

⁴ Пряничными стариками называют фигурки в форме старичков, испеченные из теста для имбирного печенья (особый сорт печенья с ароматом корицы, кардамона, имбиря и гвоздики. Выпекают на Рождество и на праздник Святой Люсии, причем не только в форме старичков, но и в форме старушек, ангелов, сердечек и т. п.). Дети изображают пряничных стариков, одеваясь в коричневые костюмы, похожие по цвету на выпечку.

⁵ Шведский праздник Святой Люсии, или праздник света, приходящийся на 13 декабря, один из самых темных дней в году. Задолго до этого объявляется конкурс с целью выбрать самую красивую Люсию. Обычно выбирают девушку с длинными светлыми волосами, которая затем – в белом наряде и с короной из свечей на голове – возглавляет процессию из нарядных юношей и девушек, которые поют традиционные песни.

⁶ Песня Стефана – старинная рождественская песня, похожая на наши колядовальные песни (колядки). С ней дети с наде- тыми на головы колпаками со звездами и в белых накидках ходили колядовать по домам в старину. Из-за колпаков мальчиков – исполнителей этой песни – прозвали звездными.

Конечно, Ульрика хотела, чтобы это был Ниссе. В нашем классе он – самый настоящий король, лидер и заводила среди мальчишек. Именно Ниссе решает, что круто, а на что даже смотреть не стоит.

– Так как, Ниссе? – не отставала Ульрика. – У тебя и голос красивый.

– Забудьте об этом, – лениво произнес Ниссе и потянулся. – Я хочу быть рождественским гномом. Недаром же меня зовут Ниссе⁷.

Кто-то засмеялся, и Ниссе, улыбнувшись, откинулся на спинку стула.

Затем он прошептал так, что все, кроме Ульрики, услышали:

– Да кому в голову взбретет напаяливать на себя это барахло?

Кто-то захихикал.

– Оскар, – продолжила дальше Ульрика. – Ты еще ничего не сказал. Хочешь быть звездным мальчиком?

– Нет, – быстро ответил я. – Я буду рождественским гномом. Я уже говорил.

– Да? – разочарованно протянула Ульрика.

– Да, – кивнул я. Хотя я ничего не говорил и даже не слышал того, что было в начале урока.

– Что ж, решим попозже, – вздохнула Ульрика и стерла все с доски.

Мы начали репетировать.

Для пения у меня очень даже неплохой голос. В меру громкий и в меру звонкий. Я быстро схватываю мелодию и почти сразу запоминаю текст. Хотя в этот раз мы пели ту же песню, что и всегда:

Вот Стефан, а вот Люсия.

Свет от тысячи свечей льется так красиво...

Дождь стучал по стеклам. Бледным светом мерцали на подоконниках рождественские свечи. Настроения – ноль целых ноль десятых.

Когда закончились уроки, все ребята кинулись в коридор, где, шумя и толкаясь, принялись разыскивать свою уличную обувь.

Я услышал, как Майя сказала Мариам:

– Я думаю, что ты будешь Люсией.

– А я думаю, что ты, – ответила Мариам. – Ты же такая милая.

– Нет, ты – самая милая, – возразила Майя.

Эти девчонки – лучшие друзья, неразлучные, как сиамские близнецы. По-моему, они даже выросли вместе. Майя и Мариам любят прогуливаться по школьному двору, взявшись за руки, и трещать обо всем без умолку. Хотя они совершенно разные. У Майи светлые, абсолютно прямые волосы, а у Мариам волосы темные, длинные и вьются. В них влюблены почти все парни в нашем классе. Хьюго, к примеру, думает, что самая хорошенькая – это Мариам. А я считаю, что Майя. Только вслух я никогда этого не скажу.

⁷ Ниссе – так называют в Швеции маленьких юных гномов.

После школы мы с Хьюго часто идем к нему домой. Так было и в этот раз. У него дома на кухонном столе лежала записка:

«Съешь йогурт или сделай бутерброд. Не забудь убрать масло обратно в холодильник».

Чтобы не заморачиваться с маслом, мы решили ограничиться несколькими шоколадными кексами. Потом уселись играть в компьютерные игры. И играли до тех пор, пока не пришла мама Хьюго. Скоро с кухни поплыл аромат жареной колбасы и картошки с луком. Все шло своим чередом, и это было замечательно. Картины не портила даже старшая сестра Хьюго, Ханна. Она учится в седьмом классе.

Ханна – единственный человек в семье моего друга, за которого порой бывает очень стыдно. Но я думаю, что это даже на пользу Хьюго. По крайней мере, он может легко представить себе, каково приходится мне с моими-то родителями, хотя мы никогда не говорим с ним на эту тему.

– Боже, как отвратительно, – пропищала Ханна и скорчила гримасу при виде колбасы. – Как вы только можете есть мертвую свинью?

Чтобы ее позлить, мы принялись лопать колбасу, хрюкая и чавкая, как настоящие свиньи. Ханна закатила глаза к потолку.

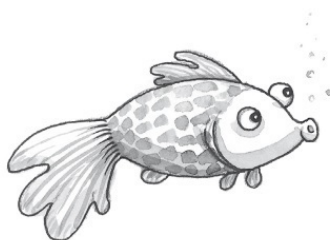
– Хьюго, – прикрикнула она на брата, – как ты только можешь быть таким примитивным существом?!

Их папа вздохнул и кинул на нас строгий взгляд, чтобы мы уgomонились. Мы перестали дурачиться, но еще долго хихикали, за что картошки нам почти не досталось.

Печенье с секретом

«Я очень хочу, чтобы мои родители были такими же нормальными, обычными людьми, как и я. И чтобы мне больше не пришлось за них краснеть» – так я часто думаю, и это мое самое большое желание. Но если твоему желанию выпадает шанс исполниться, то будь осторожен с тем, как ты его произнесешь. Иначе можешь получить совсем не то, что хочешь. Вскоре я на собственном опыте убедился в этом.

В тот вечер мы отправились на дегустацию в новый ресторан, который открылся неподалеку. Мама с папой обожают знакомиться с новыми местечками и пробовать новые, незнакомые блюда. Я к этому уже привык. Весь фокус в том, что я стараюсь налегать на гарнир, рис или картофель, а незнакомые блюда отодвигаю в сторону или пробую совсем чуть-чуть.

Стоял промозглый вечер. На улице было сыро, поэтому, когда мы ступили на сверкающий паркет зала, за нами потянулась цепочка грязных лужиц.

Я осмотрелся. Ресторан только-только открылся. Раньше здесь был магазин, где продавались обои. По дороге в школу я тысячу раз проходил мимо, но ни разу толком не разглядывал его. Теперь же это место полностью преобразилось.

Первое, на что я обратил внимание, был гигантский аквариум у стены. За блестящим стеклом среди зеленых водорослей плавали туда-сюда полосатые, черно-голубые и ярко-оранжевые рыбки с развешивающимися плавниками. Стоя рядом и разглядывая всю эту красоту, я чувствовал себя настоящим аквалангистом в тропических водах. Правда, я никогда не плавал с аквалангом, но думаю, все выглядело бы именно так: кругом загадочный подводный мир и я с глазу на глаз с разноцветными рыбками.

Откуда-то доносилась музыка, похожая на мелодичное позвякивание маленьких старинных часов, и все это создавало чарующую волшебную атмосферу.

Это было первое волшебство, случившееся в тот вечер. Но отнюдь не последнее.

Ко мне подошел папа и потянул к нашему столику. Родители уже сделали заказ, и через некоторое время перед нами появилось множество разных блюд.

Ресторан был китайским, и меню прямо-таки пестрело названиями непонятных, просто-таки экзотических блюд, которые мама с папой во что бы то ни стало хотели попробовать. Я же ограничился рисом и курицей и орехами. Это было по-настоящему вкусно, и отодвигать в сторону ничего не потребовалось.

Мама с папой продолжали увлеченно дегустировать новые блюда, а я опять отправился смотреть на рыбок.

Вдруг кто-то тронул меня за плечо. Я повернул голову и увидел девочку приблизительно моего возраста и примерно моего роста. Но в остальном она была совсем необычной девчонкой. У нее были угольно-черные волосы и брови и почти черные глаза. И в самой глубине этих

глаз, казалось, лучилось по маленькой звездочке. А когда девчонка улыбнулась, то у нее над носом появилась маленькая смешная складочка.

– Привет, – улыбнулась она.

– Привет, – отозвался я.

– Хочешь «печенье счастья»?

– А что это? – спросил я.

– Сам увидишь.

Я кивнул:

– О'кей.

Девочка протянула на раскрытой ладони маленький золотистый пакетик и предложила мне его взять. Затем она развернулась и пошла к открытой двери в глубине зала. По выплывающему оттуда пару и доносящимся запахам я решил, что там находилась кухня.

Девочка исчезла, как в тумане, пока я стоял, не двигаясь, с золотистым пакетиком в руке. Журчала вода в аквариуме. Рыбки, проплывая, безмолвно разевали рты.

Я должен поблагодарить эту странную девочку. Так я тогда подумал. Но именно в тот момент, когда незнакомка исчезла на кухне, я увидел, как мама поднялась со своего места и потянула за руку папу. Мелодичное позвякивание куда-то пропало, и вместо него зазвучало что-то громкое, с трубами, барабанами и скрипками. Я сразу сообразил, что сейчас произойдет. «Мама приглашает папу на танец! Прямо в ресторане! Мама приглашает папу на танец! Прямо в ресторане!» – билось в моем мозгу. Посетители за столиками начали поворачивать головы в сторону моих родителей.

Я на полном серьезе захотел превратиться в рыбку и прыгнуть в аквариум. Музыка тогда глухо булькала бы где-то вдали, а два танцующих идиота превратились бы в размытые цветные

блики за стеклом. Но самое главное, не было бы никаких страданий из-за того, что те двое – мои родители.

Я уселся на стул рядом с аквариумом и усердно принялся изучать рыбок. Краем глаза я следил за тем, как кружились в танце мои родители. Волосы у мамы растрепались. Папа начал напевать что-то, постепенно повышая голос. Золотая рыбка с глазами, как шары, серьезно взирала на меня через стекло, а я в ответ пристально смотрел на нее.

Когда музыка закончилась, папа сделал поклон, как будто он был на сцене в опере. Несколько посетителей захлопали в ладоши, а потом все вернулись к своим тарелкам, и снова послышался стук вилок и ножей.

У мамы от танца разгорелись щеки. Мои тоже, но только от стыда.

Папа махнул рукой, чтобы принесли счет. Я на всякий случай по-прежнему стоял возле аквариума.

От напряжения у меня вспотели ладони. В одной из них я продолжал сжимать маленький золотистый пакетик с «печеньем счастья». Наконец я порвал пакетик и достал светло-золотистое печенье в форме полумесяца. Укусил его и обнаружил, что внутри оно было пустым, в середине лежала свернутая бумажка.

Жуя печенье, я развернул бумажку. Это была совсем коротенькая записка, написанная маленькими черными буквами. И когда я ее прочитал, то сразу позабыл, как жевать.

Произнеси свое самое сокровенное желание, и оно исполнится.

У меня внутри все замерло. Конечно же я знаю, чего я хочу. Желание комком стояло в горле. Но неужели это сработает?

Впрочем, я же ничего не теряю. Произнесу только слова потише, чтобы никто не услышал.

Я повернулся к аквариуму.

«Хочу, чтобы мои родители стали нормальными, обычными людьми» – так я должен сказать.

Или: «Хочу, чтобы мои родители были как все».

Но произнес я совсем не это.

Уставившись обалдело на рыбок, я прошептал:

– Хочу, чтобы мы с моими мамой и папой стали бы более похожими.

Минуты тишины

Я заметил это только на следующем день в школе. Мы сидели в классе, и Ульрика опять завела разговор про рождественский концерт.

Шел первый урок. За окнами было еще темно, поэтому казалось, что свечи на подоконниках горят ярче. На столе у Ульрики тоже стояла зажженная стеариновая свеча, создавая атмосферу уюта и праздничного настроения. И тут все началось.

– Как бы я была рада, если бы у нас была пара звездных мальчиков для *песни Стефана*, – произнесла Ульрика.

То, что случилось дальше, произошло абсолютно без всякого участия с моей стороны. Моя рука неожиданно взлетела в воздух.

– Да, Оскар? – обратилась ко мне Ульрика.

– Я могу спеть, – предложил я. – Думаю, у меня получится.

Я не верил своим ушам. Что я говорю?!

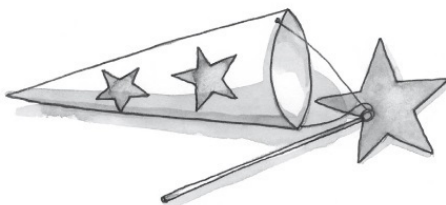
Ульрика тоже выглядела удивленной, но очень обрадовалась:

– Это же здорово, Оскар!

Я заметил, что моя голова сама по себе кивнула в ответ и что Хьюго во все глаза смотрит на меня, но я ничего не мог поделать с собой. Неужели, я схожу с ума? Я попытался открыть рот, чтобы вернуть обратно свои слова, но челюсти оказались крепко сжатыми. Ниссе прошептал что-то соседу по парте, и они вдвоем захихикали. Несколько девчонок, покосившись на меня, фыркнули. На помощь! Что же я наделал?!

Только Ульрика выглядела жутко довольной.

– Я очень хочу, чтобы кто-нибудь еще поднял руку, – сказала она и внимательно посмотрела на Хьюго.

Обычно мы все делаем вместе, но тут Хьюго решительно замотал головой.

Я почувствовал себя вконец усталым и измотанным. Я действительно все правильно услышал? Действительно поднял руку и записался *добровольно* петь *песню Стефана*? Это что же значит? Я буду стоять на сцене с кульком на голове вместо колпака, чтобы Ниссе потом задразнил меня до смерти? Петь перед битком набитым залом? Да-а, папа точно не упустил бы такой возможности...

Мысль о папе молнией промелькнула в моем мозгу, и я вдруг понял, что произошло. Мое желание действительно исполнилось. Хотя совсем не так, как я хотел. Я-то мечтал, чтобы мои родители превратились в нормальных, приличных людей. А вышло все наоборот: я сам стал таким, как они.

Я зажал руками рот, чтобы ненароком не ляпнуть еще какую-нибудь глупость.

– Оскар, у тебя зуб болит? – участливо спросила Ульрика.

Я отрицательно замотал головой.

Всю математику я размышлял над тем, как лучше всего справиться с создавшимся положением. Например, я мог бы сказать, что это была только шутка, но тогда я сильно бы расстроил Ульрику. Этого мне делать совсем не хотелось, все таки она – замечательная учительница.

Я мог бы перед концертом притвориться больным. Чем бы лучше всего заболеть? О, кашель! Но я не уверен, что мама с папой пойдут на вечер с кашляющим ребенком. А попасть на концерт все-таки хотелось.

Какие у меня есть еще варианты? Я мог бы уговорить кого-нибудь спеть вместе со мной. Хьюго, например. Если к этому делу подойти правильно, то... да, это казалось самым разумным.

Потом наступило время обеда. Спагетти в моей тарелке лежали слипшимся комком, и мне пришлось изрядно поработать вилкой, чтобы разлепить их. Потом я добавил мясного соуса, залил все кетчупом и отправил большую порцию спагетти себе в рот.

Ниссе сидел со мной за одним столом, но подальше. Вдруг я заметил, что он принялся скручивать из салфетки что-то похожее на кулек. Потом он надел его на голову, как колпак, и, издевательски улыбнувшись мне, запел:

*Вот Стефан наш, славный малый,
Конохом он был удалым...*

Я почувствовал, что по цвету сейчас вот-вот сравняюсь с кетчупом из своей тарелки, и открыл рот, чтобы крикнуть Ниссе, чтобы он заткнулся. Да только я совсем забыл, что рот у меня до отказа набит спагетти с мясным соусом, и стоило мне его открыть, как все вывалилось наружу. Полупережеванная желтокоричневая масса с чавкающим звуком шлепнулась обратно в тарелку.

– Ох, Оскар, – вздохнула Ульрика и протянула мне еще одну салфетку. – Запомните, когда я ем, я глух и нем, – обратилась она ко всем. – Чтобы в следующие пять минут была абсолютная тишина!

Это были, наверное, самые долгие пять минут в моей жизни. А когда Ниссе уплел свой обед и встал из-за стола, он помахал мне на прощание рукой.

С зажатой в ней салфеткой.

Бабушкины «Гавайи»

После школы я решил навестить бабушку, хотя Хьюго, как обычно, предложил мне пойти к нему домой и поиграть в компьютерные игры. В другой раз я бы с удовольствием согласился. Но сегодняшняя неудача за обедом до сих пор мучила меня и отбивала всякое желание идти домой к Хьюго.

По правде говоря, я этого даже боялся. Кто знает, а вдруг я неожиданно устрою танцы африканских пигмеев прямо у них на кухне? Или ляпну что-нибудь о том, какая большая у Ханны грудь. А что поделаешь? Она ведь действительно большая.

– Нет, сегодня я не могу, – мотнул я головой.

Хьюго удивленно посмотрел на меня.

Домой идти подавно не хотелось. Вдруг мама с папой еще больше заразят меня своей ненормальностью? Пожалуй, так дело дойдет до того, что я буду исполнять оперные арии, стоя в обнимку с папой на лестничной площадке в школе. Или мама предложит мне станцевать с ней танго в овощном отделе магазина, и я с радостью закружусь с ней по залу, запихнув для красоты в волосы перья зеленого лука. Я только представил себе эту картину, как опять почувствовал, что мое лицо сделалось цвета кетчупа. Нет, ни за что. Только к бабушке!

Бабушка, стоя на коленях, терла пол в ванной, но при виде меня сразу бросила это занятие.

– Как хорошо, что ты пришел, – обрадовалась она. – А то это так утомительно! Будешь пить чай?

Вскоре мы сидели на кухне, играли в крестики-нолики и пили чай с булочками, которые бабушка подогрела в микроволновке. Конечно, крестики-нолики – это совсем не то, что компьютерная игра, но все-таки гораздо уютнее сидеть вот так, на кухне, с бабушкой, и вместе с ней зачеркивать клеточки и рисовать кружочки. И хотя бабушка жутко долго думает над каждым ходом, выигрываю все равно я.

После двух булочек я почувствовал, как в моем животе что-то забурлило. Но не так, как бывает, когда хочешь в туалет. Как будто воздух внутри меня искал выход.

– Как бы мне пойти? – бормотала бабушка, склонившись над бумагой.

Я осторожно пукнул. Совсем чуть-чуть, и бабушка ничего не услышала.

Я попробовал еще разок. Вышло громче, но бабушка была абсолютно поглощена игрой и ничего не замечала. Настроение у меня резко улучшилось. Я вдруг подумал, что нечего стесняться самого себя и на каждом шагу беспокоиться за свои поступки. Я же вполне нормальный парень.

Мое добровольное решение исполнить эту песню – это, конечно, странно, но и только. И так уж я потерял контроль над собой? Или же это была чистая случайность? В конце концов, нет ничего страшного в том, что я выступлю на концерте. Особенно если получится уговорить Хьюго. А у меня обязательно получится!

Тут до меня дошло, что, пока я сижу здесь, у бабушки на кухне, из меня вместе с воздухом вышла небольшая порция стеснительности, неловкости и застенчивости. В общем, все то, что мешает нормально жить.

А раз так, то продолжим.

– По-моему, я влюблен в Майю, – тихо произнес я и прислушался к своим ощущениям.

Мне хотелось узнать, что произойдет, если я скажу эти слова вслух. Интересно, что чувствует человек, когда влюблен? Говорят, у влюбленных в животе порхают бабочки, а кровь, как газировка, журчит по венам.

– Если я нарисую нолик здесь, то у тебя получится ряд там, но если я поставлю здесь, то... – бормотала бабушка, крутя в пальцах ручку.

– Я, кажется, влюблен в Майю, – повторил я снова чуть громче и прислушался: нет ли журчания или порхания?

– Что? – переспросила бабушка и поднесла руку к уху, чтобы подрегулировать свой слуховой аппарат.

– Да нет, ничего особенного. Я, кажется, есть хочу, – нашелся я.

– Хочешь, закажем пиццу? – предложила бабушка.

Тут стоит заметить, что она не выговаривает слово «пицца» правильно. Вместо «цц» она произносит две «с». Ума не приложу, почему так происходит.

Бабуля позвонила в пиццерию на углу и заказала полпорции. «Мы не хотим целую пиццу, – сказала она в трубку, – потому что уже наелись булочек».

Я спустился вниз в пиццерию и сказал, что мы заказали пиццу «Гавайи». Работавший там рыжеволосый парень блеснул широкой белозубой улыбкой.

– А-а, так это твоя бабушка звонила? Классная она у тебя тетка.

– Привет! – прозвучали два голоса позади меня.

Это были Майя и Мариам. Рука об руку. Я вспомнил, что я только что пытался сказать дома у бабушки, и щеки у меня слегка покраснели. Но девочки же не могли ничего об этом знать, а в пиццерии, между прочим, было жарко. Тут уж у кого угодно щеки могут сделаться красными.

– Привет! – кивнул я подружкам.

– Мы заказали две порции «Везувия», – обратилась Мариам к продавцу.

Парень принес их заказ, и, пока они расплачивались, я украдкой посмотрел на Майю и прислушался к себе: не запорхают ли у меня внутри бабочки?

– А вот и твои «Гавайи», старик, – обратился ко мне парень. – Передавай привет своей бабушке. Надеюсь ей понравится наша «писса»!

И, подмигнув мне, он рассмеялся. Майя с Мариам непонимающе глядели на нас. Я стал красным как рак.

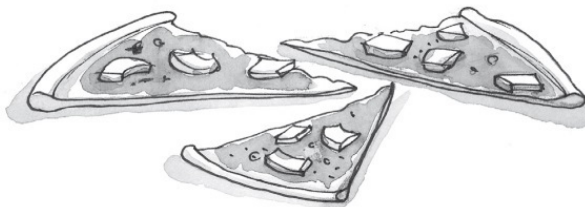
– Да бабушка просто... – начал я, но вдруг понял, что нехорошо винить бабулю только за то, что она не может правильно выговорить слово.

И тогда на моем томатно-красном лице появилась широкая, от уха до уха, улыбка, и я громко и четко произнес:

– Не сомневаюсь, мы славно скоротаем вечерок за вкуснейшей гавайской писсой.

А потом взял коробку и ушел. Позади раздался хохот. Майя с Мариам хохотали как ненормальные. Я почувствовал что-то странное в животе. Нет, не бабочек, куда там! Скорее ком горячей каши. В голове пронеслось, что я вовсе не влюблен в Майю.

Но вскоре я неожиданно получил эту эсэмэску.

I love you

Следующим день в школе начался довольно обычно.

Всю первую половину уроков я тщательно следил за собой, когда открывал рот, чтобы в следующее мгновение быть готовым сразу зажать его рукой. Майя с Мариам все время хихикали и несколько раз посмотрели в мою сторону, но они почти всегда себя так ведут, поэтому я не стал особенно обращать на это внимание.

Во время большой перемены мы все выбежали во двор, и вдруг Хьюго дернул меня за руку.

– Майя все время смотрит в нашу сторону, – шепнул он мне. – Кажется, она по уши влюблена.

– Угу, – выдавил я.

Само собой, я не собирался рассказывать Хьюго о том, что произошло вчера в пиццерии.

Друг выглядел слегка озадаченным. Может, он ждет моего признания в любви к Майе? На самом деле я уже не был так в этом уверен.

На всякий случай я старался весь перерыв держаться подальше от Майи с Мариам. Мы с Хьюго стучали теннисными мячами по стене, пока не взмокли, и я так этим увлекся что позабыл обо всем на свете. Или почти обо всем... Маленький кусочек моего мозга продолжал размышлять над тем, как уговорить Хьюго выступить вместе со мной на концерте. Надо, чтобы он был в хорошем настроении, когда я заведу разговор об этом.

При этом хорошо бы убедить друга в том, что это действительно круто. Или, по крайней мере, совсем неплохо. Ну, в конце концов, не так уж и страшно...

Запищал мобильный. Достав его из кармана куртки, я увидел, что пришла эсэмэска. Хьюго увлеченно носился за теннисным мячом и ничего вокруг не замечал. Я открыл сообщение, и у меня чуть сердце из груди не выскочило. Вот что я прочитал:

«Я думаю, что ты симпатичный. Хочешь, будем вместе? Майя».

Пока я в обалдении пялился на экран, сердце скакало, как мустанг по прериям. Вот это да! Прежний обыкновенный Оскар вернулся. Красавица Майя хочет быть со мной! Тут даже думать нечего. Я быстро набрал сообщение:

«О К. Ты мне тоже нравишься».

И, поколебавшись, дописал:

«I love you. Оскар».

Возможно, я немного переборщил с концовкой, но я действительно хотел показать Майе, что я... да, точно, что я очень ценю то, что она хочет быть со мной. В конце концов, не каждый же день самая красивая девочка в классе дает тебе такой шанс.

И я нажал «ОТПРАВИТЬ».

Потом огляделся по сторонам в поисках Майи. Светлая и темная головки мелькнули вместе у школьных ворот.

Я повернулся к Хьюго.

– Угадай, что я только что получил? – радостно воскликнул я и помахал мобильным телефоном.

– Кстати, по поводу твоего мобильного, – сказал Хьюго. – Ты знаешь, мой сломался, поэтому, когда Майя попросила у меня номер мобильного, я дал ей твой. Не мог же я ей сказать, что у меня совсем нет телефона, ты же понимаешь! Я забыл тебе об это сказать. Так что, если получишь от нее сообщение, покажи мне, хорошо? – Затем он добавил, понизив голос: – Я думаю, что я ей нравлюсь.

Перед моими глазами опустилась кроваво-красная завеса. И тут к нам подбежала Мариам.

– Ты получал эсэмэску от Майи? – Она обращалась ко мне.

– Возможно, – пробормотал я.

Просто удивительно, как я мог еще выдавливать из себя какие-то слова.

Мне казалось, что с неба обрушилась скала и приземлилась своей тяжестью прямо на меня, бедного и несчастного.

– Произошла ошибка, – добила меня Мариам. – Это не для тебя. Удали все!

Скала вдавила меня в землю, так что я совсем под ней исчез. Или это была только моя больная фантазия?

Вынужденная ложь

Хьюго и Майя стали парой. Мне было так стыдно из-за того, что произошло, что я не мог выговорить ни слова. Зато Хьюго прямо-таки лучился от радости. И по-моему, ему было абсолютно все равно, что я там чувствую. Это, наверное, потому, что он не знал, что я ответил Майе. Или *еще* не знал. Уверен, она обязательно ему все расскажет. И тогда они оба будут смеяться надо мной до колик.

Я решил держаться до конца, хотя это было не так-то просто. После уроков Хьюго догнал меня у школьных ворот.

– Пойдем сегодня ко мне? – спросил он.

– Не знаю, – пробормотал я.

– Слушай, ты сегодня какой-то кислый. Это ведь не из-за того, что я теперь с Майей?

– Мне казалось, что тебе нравится Мариам, – вздохнул я.

– Это было раньше.

Какое-то время мы шли молча. Было гораздо холоднее, чем вчера, и при каждом выдохе изо рта вырывался пар, как дым от сигареты. Мы немного поиграли, изображая курильщиков, и я расслабился. И сразу почувствовал, что пальцы на ногах совсем замерзли. Пора было уже надевать теплую обувь.

В витрине магазина часов мы увидели настоящие маленькие сани рождественского гнома с оленями, искусственным снегом – в общем, все как полагается. Сам гном механически кивал головой и шевелил руками, как будто правил оленьей упряжкой. А в остальном он только смотрел прямо перед собой и даже не собирался двигаться с места.

– Что бы ты хотел получить на Рождество? – спросил меня Хьюго и, не дожидаясь моего ответа, стал перечислять названия компьютерных игр, о которых он мечтал.

Я точно знал, чего я хочу. Только ведь не будешь же произносить вслух, что ты хочешь перемотать время назад и заново сформулировать свое глупое желание.

– Ну что, пошли ко мне? – опять спросил Хьюго.

– Нет, знаешь, не могу. Правда, очень жаль, но не могу. У меня бабушка заболела, – пробормотал я.

Конечно, с моей бабулей ничего такого не было, но я должен был что-нибудь придумать, чтобы не ходить к Хью. Кажется, это называется вынужденной ложью. Хьюго, казалось, усомнился в моих словах.

– Да? – переспросил он.

– Ага, – продолжил я врать дальше. – Мама попросила меня зайти к ней. Вот я и...

– Постой, – растерянно перебил меня Хьюго. – Там, – он показал рукой, – твоя бабушка. Ну вот почему человек не может спокойно соврать?

На улице стояла, как ни в чем не бывало, моя бабушка в своем ярко-красном пальто и разглядывала витрину. Потом она наклонила голову и начала искать что-то в своей сумочке.

– А-а... значит ей уже лучше. Какая удача! – нашелся я. – Пока, Хьюго. Увидимся завтра!

И я помчался прочь, чтобы друг не успел мне еще что-нибудь сказать. Я подбежал к бабушке и обнял ее, чтобы Хьюго, если он еще смотрит на меня, увидел, до чего ж я рад видеть свою бабулю здоровой.

Бабушка обернулась... Это была не бабушка.

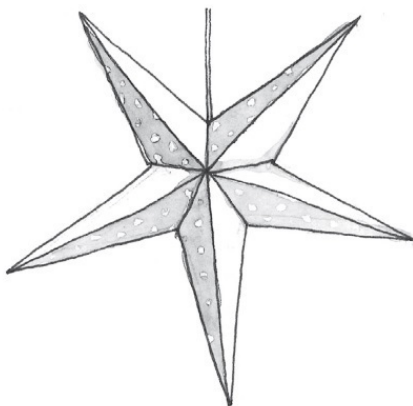
Это была какая-то незнакомая мне тетя в похожем ярко-красном пальто.

Сияющая звезда

Пошел снег... а может, это был дождь? Я задрал голову, и мне в глаз попала острая льдинка. Ледяная изморозь висела в воздухе и снежной крупой сыпалась на тротуары, одежду, лицо и таяла, превращаясь в холодную воду.

Тетя в красном пальто покачала головой и пошла дальше. Я оглянулся в поисках Хьюго – видел ли он, как я ношусь по городу и обнимаю чужих тетей? – но он уже ушел.

Тогда я тоже поплелся домой. Медленно, как будто к каждой ноге мне приковали по гире, я тащился, хлюпая по слякотному тротуару. Лицо было мокрое, как от слез, но меня это нисколько не волновало. Я чувствовал себя оглушенным проклятием, которое настигло меня в тот момент, когда я так неосмотрительно произнес свое желание. Но ведь в сказках главный герой всегда получает несколько шансов? Уж как минимум три, не меньше.

Я остановился и посмотрел вверх. Может, есть на небе звезда, которая сможет исполнить мое желание? Сорвалась и летит. Падающая звезда. Но наверху все заволочло тучами. Небо было по цвету, как грязное одеяло, огромное серое одеяло, которое распростерлось над городом и как будто всосало в себя весь свет от уличных фонарей, от чего они светились неясным, призрачным светом. А может, мне так казалось из-за мокрого снега, который залепил мне глаза так, что я ничего толком не различал. Рукавом куртки я вытер лицо, опять задрал вверх голову и вдруг увидел огромную, сверкающую золотом, сияющую звезду!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.